

Copyright © 2025 by Cherkas Global University



Published in the USA  
 Bylye Gody  
 Has been issued since 2006.  
 E-ISSN: 2310-0028  
 2025. 20(1): 5-14  
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.5

Journal homepage:  
<https://bg.cherkasgu.press>



## ARTICLES

### Kazakh-Bashkir Military-Political Interaction during the Expansion of the Western Oirats (Kalmyks) and Bashkir Uprisings of the 17th century

Rafil R. Asilguzhin <sup>a, \*</sup>, Azamat Kh. Ryskildin <sup>b</sup>, Zhaksylyk M. Sabitov <sup>a</sup>

<sup>a</sup> Research Institute for Jochi Ulus Studies, Astana, Republic of Kazakhstan

<sup>b</sup> L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

#### Abstract

The Kazakh-Jungar war and the corresponding migration of a significant part of Kazakh clans from Semirechye and South Kazakhstan westward and to the north-west, in the beginning of the 17th century intensified the Kazakh-Bashkir interaction embracing ethnic, military and political components. The complicated political situation of the 16th and 17th centuries, when there was a confrontation and interaction between Muscovy, the Nogai Horde, the Khanate of Siberia and the Kazakh Khanate, was superimposed on the strengthening of interaction between Bashkirs, Kazakhs and other Turkic-speaking nations with the western Oirat-Kalmyks during the expansion of the latter. The article analyses sources on participation of the Kazakh and Karakalpak in the Bashkir riots of the second half of the 17th century. It also considers the reasons and purposes of the Muscovite tsarist government's measures to counteract the union of Turkic-speaking peoples with Kalmyks, the issues of Bashkir and Kalmyk subjectship, as well as Bashkir-Kalmyk interaction. The analysis of the complex political and legal status of the Bashkirs in the period under consideration is given. Along with the facts of the conclusion of oaths on the joint struggle of Bashkirs and Kazakhs, preconditions for the gradual transition of political patrons of Bashkirs from Kuchumovich to representatives of Kazakh governing dynasties are formed.

**Keywords:** Bashkir uprisings, Bashkirs, Kazakh, Karakalpak, Kalmyk, Oirat, migration, subjectship, estek, ishtyak.

“... на ту противность всю Башкирию преклонил, но, и с киргиз-кайсаками соединясь ...”  
 (П. Рычков)

#### 1. Введение

Казахско-башкирские контакты в XVII – начале XVIII вв. столкнулись с наложением двух серьезных внешнеполитических вызовов. Во-первых, это фактор европейской колониальной экспансии, форпостом которой в степной Евразии являлась Российская империя, предпринимавшая комплексные мероприятия для отворения пути в «полуденную Азию». Во-вторых, на существование башкир и казахов оказала серьезное влияние экспансия западных ойратов (калмыков). Данный вызов казахский исследователь Г.М. Тулепбергенов охарактеризовал следующим образом: «военно-политическая обстановка в этом регионе в первой четверти XVII в. усугубляется прибытием новых насельников, воинственных калмыков, внеся поправки во внешнеполитические действия Российского государства» (Тулепбергенов, 2014: 35). География экспансии западных монголов, ойратов, и их многочисленность отмечены востоковедом А.З. Валиди: «Западные монголы –

\* Corresponding author

E-mail addresses: [asrafil@yandex.ru](mailto:asrafil@yandex.ru) (R.R. Asilguzhin), [zh.sabitov@gmail.com](mailto:zh.sabitov@gmail.com) (Zh.M. Sabitov), [azamat.ryskildin@gmail.com](mailto:azamat.ryskildin@gmail.com) (A.Kh. Ryskildin)

ойротские калмыки – в 1600 году начали в массовом порядке переселяться в Западный Казахстан. В 1618 году 50 тыс. калмыцких семей заселились по течению рек Тобол и Ишим. В 1630–1632 гг. часть достигла берегов реки Идель. Их предводитель Хо-Урлюк обосновался вдоль Яика и Ишима» (Валиди, 2010: 45). В результате казахские роды были вынуждены мигрировать, частично устремившись в северо-западном направлении, где им пришлось потеснить башкир и занять степи в долинах рек Орь, Тургай, Илек и др. вплоть до левобережья Яик, а также в долинах рек Уй, Тобол и др. в Зауралье. Историк И.В. Ерофеева, отмечая казахско-джунгарские войны и вызванную этим миграцию казахов на земли башкир в Зауралье, пишет: «Во второй половине – конце XVII вв., когда происходили наиболее острые столкновения между казахами и волжскими калмыками, часть казахских родоплеменных групп Младшего жуза разместились или долгое время проживала на башкирских землях в Уйско-Миасском междуречье и по правому берегу Яика...» (Ерофеева, 2007: 77-78).

В значительной мере именно экспансия западных ойратов вызвала активизацию казахско-башкирских этнических и военно-политических контактов в начале XVII века. Отмеченные процессы произошли на фоне усиления давления российского абсолютизма на башкир в условиях интенсификации юго-восточной политики московских правителей. Взаимная вражда тюрко-мусульманских народов с калмыками усилилось после принятия калмыками русского подданства в 1655 году.

Важный аспект исследуемой проблемы заключается в существенных различиях политико-правовой культуры башкир, калмыков и казахов, особенно в том, что касалось статуса и объема полномочий ханской власти в отношении военно-служилого сословия, а также объема встречных обязанностей военно-служилых подданных (йомышлы) и положения податных подданных (ясаклы). Для калмыков источником правосознания считалась Яса в трактовке буддийских монахов (бахсы, ламы), согласно которой власть чингизидов считалась абсолютной ввиду сакрализации «золотого рода» и генеалогического права чингизидов. Родство с последними позволяло приближенным кланам действовать от имени хана и применять «легальное насилие» в отношении менее приближенных подданных. Так, с чингизидами-кучумовичами породнились и торгоуты (тайша Хо-Урлюк выдал дочь за Ишима, сына Кучума) и хошуты (тайша Байбагис также выдал дочь за Ишима, сына Кучума). На этом основании и торгоуты, и хошуты считали себя управомоченными на сбор ясака с тех же башкир или казахов как бы в пользу хана аналогично тому, как ранее сбор ясака в пользу хана осуществляли ногайские бии из дома Едиге. Однако для башкир источником права являлись институты тюрко-мусульманского права на основе Корана, прежде всего, институт икта, которым регулировались договорные отношения хана и военно-служилых подданных кланов (асаба). Договорной характер отношений с чингизидами, иначе – «свободный вассалитет», по выражению Н.В. Устюгова, у башкир предусматривал гораздо больший перечень оснований для несогласия с ханской властью. Это была форма легального протеста и отказа от подданства, по сравнению с теми же казахами, у которых традиции подданства чингизидам укоренились глубже. Разница в традициях правосознания не могла не порождать коллизий, которые приводили к отказу от подданства и многочисленным откочевкам как от Кучумовичей и калмыков к Романовым, так и, наоборот, от Романовых к Кучумовичам, а позднее и к казахским ханам, потомкам чингизида Урус-хана.

## 2. Материалы и методы

2.1. При подготовке статьи авторы использовали широкий круг опубликованных источников, наиболее важными из которых выступают материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация). Они содержат сведения об участии казахов в башкирских восстаниях второй пол. XVII – нач. XVIII вв. В частности, характеризуются процессы подданства башкир, взаимодействия калмаков (ойратов), башкир, казахов, каракалпаков и других народов. Важные материалы по истории Оренбургского края, Башкортостана и Казахстана содержат фонды Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), в частности, Фонд 1 «Оренбургская экспедиция» (где имеются дела о «недопущении соединения башкирцев с киргиз-кайсаками», грамота Анны Иоанновны хану Малого казахского жуза Абулхаиру за приведение в подданство России Старшего и Среднего жузов); Фонд 2 «Канцелярия Оренбургской комиссии»; Фонд 3 «Оренбургская губернская канцелярия» (в частности, дела о взаимоотношениях российских властей с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами; дело о Возведении султана Нурали в ханское достоинство и т. д.; дела о побеге башкир и других из киргизского плена; дела о нападении киргизов на приграничные территории, дела о незаконном пересечении границ башкирами); Фонд 6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора» (в частности, дело об утверждении султана Айчувака в звании хана Малой Киргизской Орды; дело об ограблении киргизами российских караванов, дело о зачислении казах в казачье сословие; дела о принятии казахами православной веры; дела о причислении казахов в башкирское сословие и расселении среди башкир; дела о награждении киргизов орденами и ценными подарками; дела о строительстве мечетей и обучении киргизских детей; дела о строительстве крепостей на территории Малых и других жузов); Фонд 10 «Канцелярия Оренбургского губернатора» (в частности,

дела о проживании киргизов в Оренбургской губернии, дела об обвинениях киргизов в угоне скота у крестьян) и т. д.

Важнейшим сводом источников по теме исследования совместных выступлений в восстаниях башкир их южных соседей, каракалпаков и казахов, а также калмыков, является сборник документов, посвященный социальным отношениям в Башкортостане и башкирским восстаниям XVII и первой половины XVIII вв. Это сборник «Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1», выпущенный в 1936 г.

Взаимоотношения башкир с каракалпаками, сибирскими татарами и калмыками, сведения о совместных участиях этих народов в восстаниях XVII в., а также материалы о связях башкир с сибирскими правителями из Кучумовичей отражены в сборниках документов «Акты исторические» и «Русско-монгольские отношения».

В фондах РГАДА, в частности, в делах «Калмыцкие дела Посольского приказа», хранятся немало материалов о причинах и ходе конфликта башкир, казахов и калмыков, а также о вопросах взаимодействия губернской администрации с указанными народами.

2.2. Основным методом исследования стал сравнительно-исторический, позволяющий обобщить упоминаемые в различных источниках материалы, содержащие сведения о военных, политических, историко-этнографических аспектах взаимодействия казахов и башкир в период джунгарской (калмакской) экспансии. Также данный метод позволил проследить процесс участия казахов и их соседей каракалпаков в башкирских восстаниях второй половины XVII в., в первую очередь, в «Сеитовском бунте» (1676–1684 гг.). Большой массив анализируемых источников по теме исследования свидетельствует о сложных взаимоотношениях тюрко-мусульманских народов – казахов, башкир, каракалпаков, ногайцев, волжских калмыков, западных ойратов. Путем сопоставления данных предпринята попытка закрыть лакуны в рассматриваемой проблематике. Анализ ранее накопленных нарративов и комплексное изучение ретроспективности событий второй половины XVII в. относительно взаимодействия тюрко-мусульманских и монгольских народов позволили выявить ряд ранее неочевидных закономерностей: участие каракалпаков и казахов в восстаниях на Южном Урале; разноплановость (ситуативность) союзнических отношений калмыков (ойратов), башкир, каракалпаков и казахов и др.

Изучение межэтнического взаимодействия кочевников на рубеже позднего средневековья и начала нового времени предполагает междисциплинарные подходы. Общенаучные методы анализа и синтеза используются в комплексе со специальными методами источниковедения и методами смежных гуманитарных наук, а именно кросс-культурного анализа, антропологии и этнологии. Авторы разделяют подход К. Леви-Стросса, утверждающего, что «при изучении любого общества следует рассматривать его в собственном культурном контексте».

### 3. Обсуждение

При написании данной статьи использовались работы российских исследователей – этнографов, историков, государственных деятелей XVIII – начала XX вв. и современных ученых, а также современных казахских и башкирских историков. Российскую историографию по вопросам изучения башкирских восстаний можно разделить на три периода: дореволюционный (имперский), советский и современный.

В историографии времен существования Российской империи башкирские восстания 1633–1635 гг., 1645 г., 1662–1664 гг., 1682–1684 гг., как и восстания XVIII в., объяснялись «воровством» непокорных башкир, не желавших входить «под твердую руку» царя. Известный государственный деятель и историк Василий Татищев в одной из своих Записок в Правительственный Сенат нелестно охарактеризовал представления башкир о взаимоотношениях с Империей: «Земли е.и.в. называют они своими, а бунты – войной, отпущения же вин миром, для того, что народ степной и дикой и к тому же испортила их прежняя воля» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1183. Л. 230). Один из старейших исследователей Южного Урала и Оренбуржья и одновременно с этим чиновник, географ, историк Петр Рычков не только дал подробные описания башкирских восстаний (бунтов) второй половины XVII – начала XVIII вв. («... так усилились и в такую вольность пришли, что многие продерзости чинить отважились, а, наконец, явным уже образом бунтовали, с таким намерением, чтоб им, отрешившись от подданства российского, восстановить особое владение»), но также обратил внимание на участие казахов в этих бунтах (Рычков, 1999: 53). В качестве иллюстрации доминировавшей в дореволюционный период концепции исторической миссии России как форпоста европейской цивилизации можно привести слова историка В.Н. Витевского, объяснявшего причины экспансии России на Восток, в частности, при покорении коренных обитателей Оренбургского края – башкир: «... Россия должна была принять на себя решения трудной мировой задачи, по отношению к тюрко-татарским племенам: сначала ей пришлось быть оплотом европейской цивилизации от мусульманского фанатизма и восточного варварства, ...» (Витевский, 1897: 118).

Известный советский историк Н.В. Устюгов, посвятивший специальное исследование башкирскому восстанию 1662–1664 гг., подробно изучил вопросы взаимодействия башкир с калмыками, сибирскими татарами, кучумовичами во главе с царевичем Кучуком (позже ханом), а также рассмотрел дипломатические усилия царского правительства по разрыву этого союза.

Н.В. Устюгов справедливо определил отношения башкир и московского государства как «свободный вассалитет»: «Свое подданство московскому царю башкирские феодалы рассматривали как вассалитет, и смотрели на московского государя как на своего сюзерена, которому они были обязаны добровольной службой. Поскольку эта служба и платеж ясака были добровольны, эта добровольность предполагала и право отъезда... если условия вассалитета почему-либо казались неприемлемыми для вассала» (Устюгов, 1947: 44). Какими именно ордынскими государственно-правовыми традициями и стереотипами правосознания руководствовались сами башкирские повстанцы в XVII–XVIII вв., советские историки интересовались в меньшей степени, чем выяснением антифеодального и антиколониального характера народных выступлений. В отличие от них востоковед А.З. Валиди Тоган в подготовленной в Турции в 1950-х гг. рукописи «История башкир» подробно описал институт «икта»: «башкиры признавались военным сословием, поэтому все мужчины от 17 до 43 лет считались воинами. Это обстоятельство являлось продолжением того, что они еще в ханские времена находились в составе войск. Взамен башкиры имели право передавать свои земли по наследству, и это считалось их «иктой». Башкиры и мишаре, имевшие подобные права, считались «асаба». И русское слово «икта» перевели на свой язык как «вотчинник» (Валиди, 2010: 56-57). По содержанию взаимных условно договорных правоотношений между сувереном и представителями военно-служилого сословия тюрко-мусульманский институт икта был аналогичен тюрко-монгольскому «союргал», который также практиковался в государствах чингизидов, включая Хулагуидов, а также в государствах Тимуридов. В целом ряде трудов А.З. Валиди приводятся важные факты из восточных источников о башкиро-казахских отношениях в период нашествия западных джунгар – ойратов. Также им указываются сведения о перипетиях непростых, временами враждебных, но иногда и союзнических взаимоотношений калмыков с тюрко-мусульманскими народами, о попытках предводителей башкирских восстаний создать единый фронт из ногайцев, калмыков Крыма и Турции на юге России (Валиди, 2014; Валиди, 1994).

Сведения о причинах строительства Закамской засечной (крепостной) линии, об участии в нападениях на нее казахов, каракалпаков, башкир, ногайцев и калмыков даны в работе историка из Татарстана В.В. Ермакова (Ермаков, 2008: 97). Казахский историк Г.С. Султангалиева дополняет указанное также тем, что меры российского правительства по строительству в 1652–1654 гг. Закамской крепостной линии стали важнейшими причинами крупнейшего восстания башкир XVII столетия – «Сеитовского восстания» (Султангалиева, 2001: 16).

Вопрос изучения фондов РГАДА, где содержатся материалы о происходящих среди башкир, казахов и калмыков конфликтах, об их причинах, а также о контактах губернской администрации с указанными народами стал предметом внимания В.А. Новикова, исследователя второй половины XIX в. (Новиков, 1879: 214).

Исследователи Б.А. Азнабаев и А.И. Кортуннов, затрагивая историю взаимоотношений башкир с калмыками, каракалпаками и казахами в XVII–XVIII вв., считают слабой стороной военно-социальной организации башкирского общества отсутствие единого центра принятия решений, что неизбежно снижало эффективность действий башкирских военизированных отрядов: «В открытой местности, допуская применение больших масс конницы, башкиры уступали калмыкам и казахам по причине их многократного численного преимущества». Именно отмеченное привело к тому, что «к 60-м годам XVII в. башкиры утратили свои вотчинные угодья не только на Эмбе, но и в среднем течении Яика. В 20-е гг. XVIII в. казахи Младшего жуза вытеснили башкир со степных территорий по рекам Яик, Илек и Ор» (Aznabaev, Kortunov, 2021: 1643). Необходимо уточнить, что указанным событиям предшествовало вытеснение калмыков на запад казахами с юга и башкирами с севера. Но казахское продвижение с юга на север оказалось более обширным как по причине более надежных отношений казахов с узбекским тылом, так и по причине более централизованной организации казахского ханства, поддерживаемого сетью суннитского духовенства, способного время от времени примирить клановые междоусобицы в общих интересах.

Историк А.Ю. Быков, рассматривая взаимоотношения российских властей с казахами в период с 1731–1917 гг., отмечал, что в числе причин «отрицательного имиджа казахского этноса в глазах российского правительства» необходимо указать и противоречия внутри казахского общества, и неоднократные нападения казахов на русские поселения, а также многолетние взаимные набеги и барымта казахов, башкир и калмыков (Быков, 2023: 117).

Вопросы военно-политического взаимодействия московских правителей и калмыцких ханов, причины и последствия для башкир и других тюркских народов включения калмыков в состав России, цели и выгоды от подписания «шертных» договоров с калмыками для московских правителей подробно рассмотрены коллективом авторов в книге от 1929 г. «Этюды по истории Приволжских Калмыков» (Этюды..., 1929).

Большая часть исследователей склоняется к мнению, что наименование народа калмык (калмак) есть обозначение со стороны тюркских народов. В. Бакунин, служивший толмачом при калмыцких ханах в первой половине XVIII в., писал: «... хошоуты и зенгюрцы сами себя и торгутов калмыками и доньне не называют, а называют, как выше означено, ойрат. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгюрцов калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не

свойственно их языку, а думают, что их так назвали россияне, но, в самом деле, видно, что сие слово “калмык” произошло из языка татарского, что татары называют их калмак, что значит “отсталые” или “остальцы”». (Бакунин, 1995: 22). Термин «калмак» изначально был конфессионимом, маркирующим кочевников, не принявших ислам и «оставшихся в вере отцов». Позже «калмак» стал экзоэтнонимом тюркских народов по отношению к ойратам, которые исповедовали буддизм. Известный востоковед В.П. Юдин считал возможным применять термин «калмык» при обозначении ойратов или джунгар только в тюркской форме – «калмак»: «Неверно также именовать ойратов или джунгаров калмыками. Этот термин применялся лишь в отношении волжских калмыков. Если употреблять термин калмык для обозначения ойратов, то, по-видимому, его стоит употреблять в тюркской форме калмак, для отличия от калмыков» (Юдин, 2001: 266). В исторической литературе принято разделять термины «калмак» и «калмык». Калмаками называли всех ойратов, а калмыками называли только их западную часть (волжских и с недавних пор чакарских калмыков).

Востоковед В.В. Бартольд следующим образом комментировал значение этнонима: «Калмыки – тюркское название одной из монгольских народностей, самоназвание которой – ойраты ... Это слово выводится (вероятно, только народной этимологией) от глагола катмак ‘оставаться’; оно будто бы обозначает “оставшихся” язычниками ойратов в противоположность “вернувшихся” (глагол донмек) вновь в ислам (по известным мусульманским представлениям) дунганам (китайскими мусульманам)» (Бартольд, 1968: 538).

#### 4. Результаты

В документе от 1691 г. послы от Галдана Бошокгу-хана передают иркутскому воеводе следующие причины их ссоры с Казачьей Ордой: «назад тому лет з 10, верами они, калмыцкой Бушухту-хан и Казачья Орда разны: Бушухту-хан де их с калмыки и с ыными Орды верует в Далай-ламу, а Казачья де Орда верует особливо по-крымски в Махмета, обрезывающа по-бусурмански. И посылал де Бушухту-хан в Казачью Орду, чтоб они съединачились и веровали с ним, калмыцким Бушухту-ханом, и с иными Орды в одного Далай их ламу, от того де с ними учинилась и ссора, потому что они не похотели по-калмыцки в Далай-ламу веровать. И за то де у них были бои великие и многие де их города Бушухту-хан их разорил...» (Русско-монгольские..., 2000: 340). Конфликт западных ойратов с казаками и другими тюркоязычными народами в XVII в. носил, разумеется, не только религиозный оттенок, экспансия имела в своей основе борьбу за новые жизненные пространства при амбициозных правителях. Возникшее в конце XIV в. ойратское государство в исторических памятниках XVII–XVIII вв. обычно называется Джунгарией. В русской исторической литературе они назывались зюнгарскими калмыками и ойратами. В 1643 г. пятидесяти тысячное войско ойратов вторглось в пределы казахских земель, удар пришелся на плодородные земли Семиречья, ныне – юго-восточные области Казахстана, а также южные и восточные ее области. Значительная часть казахских родов была вынуждена откочевать из этих регионов в западном и северо-западном направлении. В период правления Цэвэна Рабтана джунгарам удалось завоевать значительную часть земель Старшего и Среднего жузов, казахи получают поддержку других тюрко-мусульманских народов. Так, в 1699 г. башкиры и каракалпаки участвовали в походе против сибирских ойратов: «...слышали де они в Барабинских волостях отъ Башкирцов, что де к Кокону батырю в улусъ приезжал из Башкир беглец, и сказывалъ де ему Кокону, Башкирцы де сложились вместе съ Казачьею ордою и с Каракалпаки, и хотятъ итти воевать его Кокону или Барабинские волости...» (Акты исторические..., 1842: 521).

Экспансия западных ойратов (калмыков) на казахов и башкир и другие народы стала своеобразным фоном, на котором происходила серия башкирских восстаний во второй половине XVII в., крупнейшим из которых стал «Сеитовский бунт» 1676–1684 гг. В это сложное время, как видно из многочисленных источников, фиксируются периоды совместных военных действия калмыков с казаками, башкирами и другими народами. Свидетельством ситуативных союзнических отношений может служить и документ от 14 января 1663 г. «Распросные речи башкира Аллагула Баишева в Тобольской воеводской избе о дальнейших намерениях восставших башкир и мари по отношению к русским и о сношениях их с калмыками». В нем идет речь о попытке одного из лидеров башкирского восстания Сарымергена привлечь к борьбе и калмыцкие силы: «... да он же де Сарымергенко посылал от себя х калмыцкому к Урлюкову сыну ко Тайчину тайше посла своего для того, чтоб он Тайчин прислал к нему Сарымергенку начальника человека на помощь с ратными людьми итти под Тюмень войною... » (МИБ, 1936: 136). В этом же ключе даны сведения востоковеда А.З. Валиди, упоминавшего помощь калмыков при совместных выступлениях башкир и казахов, им упомянуты события и содействие, оказанное со стороны. Так, при описании военной помощи, оказываемой калмыцким тайшой Хо-Урлюком казахскому султану Абылаю, А.З. Валиди замечает следующее: «Абылай султан в 1633 году занимался освобождением башкир Исетской дороги и племени Катай от русского подданства. Группа из калмыков в целях оказания помощи Абылай султану вошла в местность под названием Дуван, взяла в плен и уничтожила русских, намеревавшихся обосноваться там. Абылай султан непрерывно воюет против русских. В 1636 году он вместе с калмыками, находившимися в Дуване, и с братом Тюке султаном напали на Уфу» (Валиди, 2010: 46). Оружие для восставших башкир, по версии А.З. Валиди, возможно приходило из

Средиземноморья, поскольку позже, в 1680 г., «калмацкий хан Аюка подписал соглашение с Крымским ханом и договорился с Уфимскими башкирами о нападении на Самару» (Валиди, 1994: 55). В 1646-1648 гг., как пишет тот же А.З. Валиди, за освобождение Уфы, Исетской дороги и Туринских владений от власти Московских царей боролись брат Абылай султана Давлет-Гирей султан, его брат Абуга султан и сын Аблая Кучук султан, но все было тщетно. Тем не менее надежды башкир на калмыков не оправдались, в том числе по причине принятия последними русского подданства в 1655 г. Более того, как отмечал А.З. Валиди, «калмыки начали следовать предательской политики и под видом помощи башкирам брали их в плен, грабили» (Валиди, 2010: 46).

Отметим, что военно-политическое взаимодействие московских правителей и калмыцких ханов шло в позитивном ключе. В конце столетия, в 1697 г., Петр I, отправляясь во главе Великого посольства в Европу, решил официально возложить на хана Аюку охрану юго-восточных рубежей России от набегов соседних кочевых народов. Дело было поручено князю Б.А. Голицыну. Последний в связи с этим «высочайшим» распоряжением 13-20 июля 1697 г. заключил с Аюкой шертный договор при персональной встрече в устье р. Камышенки. В данном договоре «обнаруживается тенденция правительства использовать калмыков в качестве солидной военной силы для завоевательных целей, воинственная энергия кочевников направлялась на пограничных с ними на юго-востоке и востоке бухарцев каракалпаков и киргизов» (Этюды..., 1929: 14-15). Востоковед А.З. Валиди также отмечает, что «Предводитель калмыков Дайчин тайши и его сын Мунжак не были для башкир надежными союзниками. Они оба, показывая верность русскому царю, сообщали ему сведения о делах Крыма и башкир. ... И Мунжак поставил в известность, что он узнает о связях своих врагов татар (то есть ногайцев), а также башкир с крымскими ханами и сообщит об этом царю ...» (Валиди, 2010: 66-67).

У башкир было немало причин для конфликта с калмыками. Уже к началу 20-х гг. XVII в. Южное Зауралье и прилегающие к ней местности Западной Сибири попали под фактический контроль калмыков. В 1619 г. джунгарский тайша Сенгил разорил приграничные башкирские селения, а в 1623 г. напал на башкир Тамьянской и Кипчакской волостей. В начале 1620-х гг. большая группа калмыков сосредоточилась близ юго-восточной границы Башкортостана. По сведениям В.А. Новикова, ожидая нападения калмыков, уфимские власти в 1635 г. получили указание отселить башкирское население из Восточного Зауралья на Уфимскую сторону Уральских гор (Новиков, 1879: 214). Часть племени Сальют (Сальджиут) ушла на земли племени Минг под Уфой, часть племенного объединения Кара-Табын отселилась на запад, к озеру Асылыкуль. Принятые меры оказались действенными: оставшиеся в Зауралье башкиры стали подвергаться постоянным нападениям многочисленных калмыков, о чем свидетельствует документ от 1649 г.: «ездили они на зверовье разных волостей башкирцы человек с 20 и наехали на них сибирской дороги за Уралом-горой по сю сторону Тоболу на речке Тогузаке калмыки» (РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 1645. Л. 51).

Возвращаясь к «Сеитовскому бунту» (1676–1684 гг.), отметим причины этого восстания. По мнению казахского историка Г.С. Султангалиевой, причинами башкирского восстания 1676–1684 гг. стали меры российского правительства по строительству в 1652–1654 гг. в западных пределах исторического Башкортостана так называемой Закамской засечной линии, которая прошла от расположенного в Восточном Закамье города Мензелинск с крепостями Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск, Кичуевск, Зайнск (Султангалиева, 2001: 51-32). О предназначении Закамской линии даны сведения историком из Татарстана В.В. Ермаковым: «По своему предназначению Закамская черта имела преимущественно внешнюю направленность и строилась «для береженья от приходу воинских людей». Под ними в XVII веке подразумевались прежде всего ногайцы, калмыки, киргиз-кайсаки и башкиры. Именно в 40-е годы XVII века наблюдалась активизация набегов кочевых народов на прикамские земли, которые в это время заселялись и осваивались дворцовыми, монастырскими и казенными крестьянами» (Ермаков, 2008: 97).

Об участии казахов в «Сеитовском бунте» (1676–1684 гг.) и причинах башкирских бунтов начала XVIII в. эмоционально высказался русский историк и путешественник Петр Рычков (1712–1777): «... народ, получа довольство во всем от многих пожалованных им угодий и набрав в сожитие к себе многих беглых иноверцев ... так усилились и в такую вольность пришли, что многие продерзости чинить отважились, а, наконец, явным уже образом бунтовали, с таким намерением, чтоб им, отрешившись от подданства российского, восстановить особое владение. Из таковых их бунтов под державою Российской, прежде нежели Оренбургская комиссия учреждена, наиглавнейшими и пущими были два. Первый в 1676 году, в котором главным зачинщиком и предводителем был башкирский их старшина Сеит, от которого и называется бунт сей Сеитовский. Он не токмо на ту противность всю Башкирию преклонил, но, и с киргиз-кайсаками соединясь года с три то свое бунтовщицье намерение продолжал, и все закамские пригороды с большею частию Казанского уезда разорил ...» (Рычков, 1999: 53).

Важный аспект казахско-башкирских взаимодействий XVII – начала XVIII вв. связан с разницей подходов к пониманию подданства ханской власти у казахов, калмыков и башкир. Сложное политико-правовое положение башкир в рассматриваемый период подтверждает то обстоятельство, что часть восточных башкирских племен, прежде всего табыны, в тот период поддерживала сибирского хана Кучума и его потомков Шибанидов-Кучумовичей. Так, в документе от 1663 г. содержатся следующие

строки: «... и они де башкирцы миритца не хотят до смерти своей, и ныне хотят притти под Уфу войною и ждуд Кучука царевича к себе; а как Кучюк царевич Сибирской дороги з башкирцы к ним придет, и они де башкирцы тотчас с ним придуд ...» (МИБ, 1936: 169). По сведениям Б.А. Азнабаева, к началу XVII в. в башкирском обществе сложилась такая ситуация, при которой сторонниками кучумовичей оказался крупнейший родоплеменной союз башкир – Табын, а также относительно небольшие роды Сынгрян, Кошсо и Бикатен. В то же время враждебную к кучумовичам (шибанидам) партию поддерживали родовые группы Айле, Сальзигут, Катай (Азнабаев, 2016: 273).

Перешедшие из-под власти царя на сторону Кучумовичей башкиры не считали себя «ворами» в трактовке Московского государства, а, скорее, сторонниками восстановления законной, с их точки зрения, власти Кучумовичей, которые ведут священную войну против неверных. Сведения османских архивов свидетельствуют об отправке башкирами представителей (послов) к правителям Крымского ханства и к Османским султанам. Договорные взаимодействия башкир с калмыками и казахами были сложными. Из среды последних в исследуемый период (XVII – первая треть XVIII вв.) даже приглашались представители чингизидов. Все эти обстоятельства подтверждают статус башкир как субъектов международных дел (Aznabaev, Kortunov, 2021: 1644).

Также отметим здесь, что в целях распространения власти на территорию современного северного и северо-западного Казахстана включается и Казахское ханство под предводительством хана Хакк-Назара (Исин, 2002: 88-89). Казахи называли башкир «естеки» («иштеки»). Таким образом, в условиях, когда среди башкирских родов не было единства в политических вопросах, башкиры оказались включенными в орбиту сложной геополитической обстановки XVII столетия.

Знаковое событие произошло в 1694 г., когда башкиры посетили казахского правителя Тауке-хана и «шертовали», т.е. дали клятву о совместной борьбе, о чем свидетельствует документ от 1695–1696 гг. «Дело о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала», согласно которому «... были де оне башкирцы в Казачьей Орде и с Тевкихановыми людьми шертовали и договорились, чтоб им весною, соединясь всем вопче Казачьи Орды с людьми, притти на слободы войною... ». В этом же документе упоминаются свидетельства возвращенных из плена в Казачьей Орде о проживании среди Каракалпаков немалого количества башкир: «... да в Каракалпаках же живут башкирцы во многих юртах з женами и з детьми заодно и на войну ходят вместе, и вожем на слободы бывают оне ж башкирцы, а много ль человек, того не ведает... » (МИБ, 1936: 94). Как видно из многочисленных документов, в ходе подавления восстаний немало башкир оказалось в казахской и каракалпакской среде. По сведениям А.З. Валиди, после того как в 1683 г. русские пришли с большими силами и им удалось привлечь на свою сторону калмаков, освободительное движение было подавлено. Но возглавлявший это движение в течение 23 лет Саит Бахадир (Саит Жафер) скрылся в казахских степях, поскольку позже его сын принимал участие в башкирских восстаниях, приходя из страны казахов (Валиди, 1994: 56). Согласно документу от 1696 г., в Башкирию вернулось двести семей «Ногайской, Казанской, Осинской и Сибирских дорог» (РГАДА, Ф. 248. Кн. 132. Л. 89-910б.).

Были и обратные случаи, т.е. перемещения населения в Башкирию из южных степей. Подтверждением этого факта может служить прошение, поданное в сентябре 1734 г. Некто Жаубазар Казбулатов, действовавший от большой группы казахов (60 дворов «киргизцев»), в переписке с Российскими властями отмечает причины их переселения к башкирам: «... жили из давних годов под властью владельца калмацкого Аюки хана, по смерть его застали под властью Дондугумбы, и видя мы, нижайшие, направость и недоброй совести его Дондугумбы, сошед из той орды и пришли к ... башкирцом и жительство имеем у оных башкирцов» (РГАДА: Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 358). Историк А.И. Добросмыслов отмечает причины преимущественного размещения казахов в Башкирии: «вследствие неурядиц и обеднения многие киргизцы проявили большое стремление к переходу на жительство в Башкирию; особенно много бежало сюда семейств, членами которых были башкирские женщины, захваченные киргизами в плен, в разное время. Преимущественно киргизы бежали в 9-й, 6-й и 4-й башкирские кантоны. Многие из беглецов испрашивали разрешение пограничного начальства на водворение... » (Добросмыслов, 1901: 219).

## 5. Заключение

Период XVII – начало XVIII вв. оказался переломным в истории башкир и казахов. Он сопровождался существенными этно-демографическими и военно-политическими потрясениями. Усилившаяся колонизация башкирских земель, отход Московских правителей от условий вхождения башкирских родов в состав Московского государства вызвали череду кровавых башкирских восстаний, наиболее крупным из которых в тот период стал «Сеитовский бунт» 1676–1684 гг.: «Дорогой ценой приобрела себе этот край коренная Россия: много, даже очень много было пролито инородческой и русской крови на этом обширном прострaнствe прежде, чем оно было включено в состав Русского государства. Более двух веков, с небольшими перерывами, продолжалась упорная борьба Русского Правительства с инородческим населением этого края, особенно с главными обитателями его – башкирами», – писал российский историк В.Н. Витевский (Витевский, 1897: 118).

В восстаниях активное участие принимали казахи и каракалпаки, а в ряде случаев и калмыки. Идеологические и политические установки исторических деятелей калмыков, каракалпаков и казахов

XVII века помогают оценить степень их участия в восстаниях на территории исторического Башкортостана. Башкирские кланы нередко оказывались по разные стороны субъектов геополитического соперничества по причине отсутствия возможности самостоятельно противостоять «пороховым державам». Кроме того, в полном соответствии с ордынским правом на откочевку от хана башкиры неоднократно сменяли сюзеренов. В исследуемый период часть башкир в ответ на давление российского абсолютизма использовали традиционное договорное привлечение на ханское правление джучидов (потомков Чингизхана).

Анализ источников, представленный в статье, подтверждает важность комплексного восприятия истории взаимоотношений башкир, казахов и калмыков (ойрат-калмаков). В период, когда джунгары завоевали значительную часть Старшего и Среднего жузов, казахи получали поддержку других тюрко-мусульманских народов. Однако имеются многочисленные свидетельства ситуативных союзнических отношений (в частности, во время башкирских бунтов 1662–1664 гг. и 1681–1684 гг.), совместных военных действий, например, башкир с ойрат-калмаками. Усиление военно-политического взаимодействия московских правителей и калмыцких ханов, особенно после принятия последними русского подданства в 1655 г., серьезно усложнило геополитическое положение как для башкир, так и для казахов. При амбициозных правителях экспансия западных ойратов имела в своей основе борьбу за новые жизненные пространства. Как свидетельствуют источники, в некоторых случаях конфликт с казахами и другими народами в XVII в. принимал религиозный оттенок. Объективные факторы способствовали выработке калмыцкими и российскими правителями союзнической политики, отразившейся на положении башкир, ногайцев, крымцев, казахов.

Также отмеченные выше события привели к усилению казахско-башкирских этнокультурных связей, сближению этнической территории башкир и казахов. Последние потеснили башкир и заняли степи в долинах рек Орб, Тургай, Илек и др. вплоть до левобережья Яик, а также в долинах рек Тобол и Ишим (Есиль). Кроме того, немалая часть калмыков (калмаков) инкорпорировалась в казахском и башкирском народах, в составе последних даже сформировав в конце XVII – нач. XVIII вв. отдельную Калмакскую волость.

## 6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта «Казахское ханство во второй половине XV – первой половине XVIII вв.: этнополитическая история и внешняя политика» BR21882223.

## Литература

- Азнабаев, 2016** – Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII–первой трети XVIII вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
- Акты исторические..., 1842** – Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею. Т. 4 (1645-1675). (СПб.: Тип. II-го отд. собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. 592 с.
- Бакунин, 1995** – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 153 с.
- Бартольд, 1968** – Бартольд В.В. Калмыки / Сочинения. Т. V. М.: Наука, 1968. 758 с.
- Быков, 2023** – Быков А.Ю. Российская политика в Степных областях и трансформация казахского общества (1731-1917 гг.). Т.1: монография; отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: ИВ РАН, 2023. 464 с.
- Валиди, 2014** - *Әхмәтзәки Вәлиди Туган*. Бөгөнгө төркиле Төркөстан һәм яқын тарихы. Көнбайыш һәм Төньяк Төркөстан. Өфө. Китап. 2014. 276 б. (Валиди Туган А.З. Сегодняшний Туркестан и его недавнее прошлое. Уфа: Китап, 2014. 276 с.)
- Валиди, 2010** – Валиди А.З. История башкир. Ахметзаки Валиди Тоган; [перевод с турецк. А.М. Юлдашбаева; авт. вступ. статей А.М. Юлдашбаев, И. Тоган] (перевод с турецкого). Уфа. Китап, 2010. 352 с.
- Валиди, 1994** – Валиди А.З. История башкир. История тюрков и татар (на баш.яз). Уфа: Китап, 1994. 350 с.
- Витевский, 1897** – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: Историческая монография В.Н. Витевского. Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1897. 629 с.
- Добросмыслов, 1901** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // *Известия Оренбургского отд. Императорского РГО*. Оренбург, 1901. Вып. 16.
- Ермаков, 2008** – Ермаков В.В. История Набережных Челнов и региона восточное Закамье. Часть I. Издание 2-е, исп. и доп. Казань: Казан. гос. ун-т. 2008. 468 с.
- Ерофеева, 2007** – Ерофеева И.В. «Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик». Алматы: Дайк-пресс. 2007. 456 с.
- Исин, 2002** – Исин А. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV – XVI в. Семипалатинск. “Тенгри”, 2002. 139 с.
- МИБ, 1936** – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. Издательство Академии наук ССР. М.-Л., 1936 (МИБ. Ч. 1). 631 с.



- Новиков, 1879** – *Новиков В.А.* Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, печатня Н. Блохина. 1879. 269 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Русско-монгольские..., 2000** – Русско-монгольские отношения 1685–1691: Сб. док. Отв. ред. Н.Ф. Демидова. М.: Изд. фирма «Восточная литература». РАН, 2000. 487 с.
- Рычков, 1999** – *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
- Султангалиева, 2001** – *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX в.). Уфа: РУНМЦ Госкомнауки Респ. Башкортостан, 2001. 258 с.
- Тулепбергенов, 2014** – Тулепбергенов, Г.М. Этнополитические связи казахов и башкир в эпоху правления Абылай-хана // *Проблемы Востоковедения*. 2014. №1 (63). с. 34-38.
- Устюгов, 1947** – *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. в сб.: Исторические записки. Т. 24. Отв. ред. акад. Б. Д. Греков; Акад. наук СССР. Ин-т истории. Москва: Акад. наук СССР. 1947. 394 с. С. 30-110.
- Этюды..., 1929** – Этюды по истории Приволжских Калмыков. Ч. III и Ч. IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Первый том исследования XVII век и начало XVIII века. Проф. Н.Н. Пальмов. Изд. Калм. Обл. Исполн. Комитета. Астрахань, 1929. 391 с.
- Юдин, 2001** – *Юдин В.П.* Центральная Азия в XIV-XVIII веках глазами востоковеда. Казахстанские востоковедные исследования. Алматы. Дайк-Пресс. 2001. 384 с.
- Aznabaev, Kortunov, 2021** – *Aznabaev B.A., Kortunov A.I.* Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733 // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1638-1649.

## References

- Akti istorisheskyie..., 1842** – Akti istorisheskyie, sobranyie i izdanniye arheografisheskoiiu komissieu. T. 4. (1645-1675) [Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission. T. 4 (1645-1675)]. (Spb.: Tip II-go otd. Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii, 1842. 592 p. [in Russian]
- Atigaev, 2015** – *Atigaev, N.A.* (2015). Kazahskoe hanstvo v sisteme mejdunarodnih otnosheniyi v Evraziyi [Kazakh Khanate in the system of international relations of Eurasia]. *Mir Bolsogo Altaiya*. 1(3): 200-211. [in Russian]
- Aznabaev, 2016** – *Aznabaev, B.A.* (2016). Baskirskoie obshestvo v XVII – pervoi treti XVIII vv. [Bashkir society in the 17th - first third of the 18th centuries]. Ufa: RITS BashGU, 370 p. [in Russian]
- Aznabaev, Kortunov, 2021** – *Aznabaev, B.A., Kortunov, A.I.* (2021). Liquidation of Bashkir's Contractual Lending in 1725–1733. *Bylye Gody*. 16(4): 1638-1649.
- Bakunin, 1995** – *Bakunin, V.M.* (1995). Opisanie kalmikskikh narodov, a osoblivo iz nih Torgoutskogo, i postupkov ih hanov vkadeltsev/Sothinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of the Torgout people, and the deeds of their khans and owners. The 1761 essay]. Elista: Kalmitskoe knizhnoie izdatelstvo, 153 p. [in Russian]
- Bartold, 1968** – *Bartold, V.V.* (1968). Kalmiki [Kalmyks]. V.V.Bartold. Soshineniya. T. V. M.: Nauka, 758 p. [in Russian]
- Bykov, 2023** – *Bykov, A.Yu.* (2023). Rossiyskaya politika v Stepnykh oblastiakh i transformatsiya kazahskogo obshchestva (1731-1917 gg.) [Russian Politics in the Steppe Regions and the Transformation of Kazakh Society (1731-1917)]. T. 1. Monografiya; otv. red. A.Sh. Kadyrbaev. M.: IV RAN, 464 p. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1901** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1901). Turgayskaya oblast. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical essay]. Izvestiya Orenburgskogo otd. Imperatorskogo RGO. Orenburg. Vyp. 16. [in Russian]
- Ermakov, 2008** – *Ermakov, V.V.* (2008). Istoriya Naberezhnih Shelnov i regiona vostoshnoe Zakamie. Shast I [History of Naberezhnye Chelny and the Eastern Zakamye region. Part I] V.V. Ermakov. Izdanie 2-e, isp i dop. Kazan: Kazan. gos. un-t. 468 p. [in Russian]
- Erofeeva, 2007** – *Erofeeva, I.V.* (2007). “Khan Abulhayir: polkovodets, pravitel, politik” [Khan Abulhair: military leader, ruler, politician]. Almaty: Daik-press. 456 p. [in Russian]
- Etyudy..., 1929** – Etyudy po istorii Privolzhskikh Kalmikov. Sh. III i Sh. IV. Ogranishitelni meropriatiya pravitelstva v otnoshenii kalmikov. Perviyi tom issledovaniya XVII vek i nashalo XVIII veka [Etudes on the History of the Volga Kalmyks. Ch. III and Ch. IV. Restrictive measures of the government in relation to the Kalmyks. The first volume of the study of the XVII century and the beginning of the XVIII century]. Prof. N.N. Palmov. Izd. Kalm. Obl. Uspoln. Komiteta. Astrahan, 1929. 391 p. [in Russian]
- Isun, 2002** – *Isun, A.* (2002). Kazahskoe hanstvo i Nogaiskaya Orda vo vtoroi polovine XVI – XVI v. [Kazakh Khanate and Nogai Horde in the second half of the XV-XVI centuries]. Semipalatinsk. “Tengri”, 139 p. [in Russian]
- MIB, 1936** – Materiali po istorii Bashkirskoi ASSR. Sh. 1. Bashkirskiye vosstanya v XVII i pervoi polovini XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Ч. 1. Bashkir uprisings in the XVII and the first half of the XVIII centuries]. Izdatelstvo Akademii nauk SSR. M-L., 1936. 631 p. [in Russian]
- Novikov, 1879** – *Novikov, V.A.* (1879). Sbornik materialov dlia istotii Ufimskogo dvorianstva [Collection of materials for the history of the Ufa nobility]. Ufa, peshatniya N. Blohina. 269 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnih aktov [The Russian state archive of ancient acts].

- Rishkov, 1999 – Rishkov, P.I. (1999). Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of Orenburg province]. Ufa: Kitap, 312 p. [in Russian]
- Russko-mongolskiye..., 2000 – Russko-mongolskiye otnosheniya 1685-1691 [Russian-Mongolian relations 1685-1691]. Sb. Dok. Otv. Red. N.F. Demidova. M.: Izd. Firma “Vostoshnaya literatura”. RAN. 487 p. [in Russian]
- Sultangulov, 2001 – Sultangulov, G.S. (2001). Zapadnii Kazakhstan v sisteme etnokulturnih kontaktov (XVIII – nash. XX v.) [Western Kazakhstan in the system of ethno-cultural contacts (XVIII – early XX centuries)]. Ufa: RUNMS Goskonnauki Resp. Bashkortostan, 258 p. [in Russian]
- Tulepbergenov, 2014 – Tulepbergenov, G.M. (2014). Etnopoliticheskie svyazi kazahov i bashkir v epohy pravleniya Abilai-hana [Ethno-political relations between Kazakhs and Bashkirs in the era of Abylai Khan's reign]. *Problemy Vostokovedeniya*. 1(63): 34-38. [in Russian]
- Ustugov, 1947 – Ustugov, N.V. (1947). Bashkirskoe vosstanie 1662-1664 gg. [The Bashkir uprising of 1662-1664 years]. V sb.: *Istoricheskiye zapiski*. T. 24. Otv. red. B.D. Grekov; Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. Institut Istorii. Moskva: Akad. nauk SSSR. 394 p. [in Russian]
- Validi, 1994 – Validi, A.Z. (1994). Istoriya bashkir. Istoriya turkov i tatar [History of the Bashkir. History of the Turks and Tatars]. Ufa. Kitap. 350 p. [in Bashkir]
- Validi, 2010 – Validi, A.Z. (2010). Istoriya bashkir [History of the Bashkir] [perevod s turetsk. A.M. Uldashbaev]. Ufa. Kitap. 352 p. [in Russian]
- Validi, 2014 – Validi, T. (2014). Segodnyashii Turkestan i ego nedavnee proshloe [Today's Turkestan and its recent past]. Ufa: Kitap. 276 p. [in Bashkir]
- Vitevskiy, 1897 – Vitevskiy, V.N. (1897). I. I. Nepliyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 g. [V.N. Nepliyuev and the Orenburg region in its former composition before 1758]. *Istoricheskaya monografiya V.N. Vitevskogo*. Kazan: Tipo-Litografiya V.M. Klyuchnikova. Pp. 178-369. [in Russian]
- Yudin, 2001 – Yudin, V.P. (2001). Tsentralnaya Aziya v XIV-XVIII vv. glazami vostokoveda [Central Asia in the XIV-XVIII centuries through the eyes of an orientalist]. Almaty. Daik-press. 384 p. [in Russian]

#### **Казахско-башкирское военно-политическое взаимодействие в период экспансии западных ойратов (калмыков) и башкирских восстаний XVII в.**

Рафил Рифгатович Асылгужин <sup>a,\*</sup>, Азамат Хурматович Рыскильдин <sup>b</sup>, Жаксылык Муратович Сабитов <sup>a</sup>

<sup>a</sup> НИИ Улуса Джучи Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Республика Казахстан

<sup>b</sup> ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

**Аннотация.** События казахско-джунгарской войны и вызванная этим миграция к началу XVII в. значительной части казахских родов из районов Семиречья, Южного Казахстана в западном и северо-западном направлении активизировали казахско-башкирские этнические, военные и политические взаимоотношения. Сложная геополитическая обстановка XVI-XVII столетий, когда шло противостояние и взаимодействие Московии, Ногайской Орды, Сибирского ханства и Казахского ханства, наложилась на усиление взаимодействия башкир, казахов и других тюркоязычных народов с западными ойратами (калмыками) в период экспансии последних. В статье анализируются сведения об участии казахов и каракалпаков в башкирских восстаниях второй половины XVII в. Рассматриваются причины и цели мероприятий царского правительства по противодействию союзу тюркоязычных народов с калмыками, вопросы подданства башкир и калмыков, а также башкиро-калмыкские военно-политические взаимодействия. Дан анализ сложного политико-правового статуса башкир в рассматриваемый период. Наряду с фактами заключений клятв («шертования») о совместной борьбе башкир и казахов складываются предпосылки для постепенного перехода политических покровителей башкир от кучумовичей к представителям казахских правящих династий.

**Ключевые слова:** башкирские восстания, башкиры, казахи, каракалпаки, калмыки, ойраты, миграция, подданство.

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [asrafil@yandex.ru](mailto:asrafil@yandex.ru) (Р.Р. Асылгужин), [zh.sabitov@gmail.com](mailto:zh.sabitov@gmail.com) (Ж.М. Сабитов), [azamat.ryskildin@gmail.com](mailto:azamat.ryskildin@gmail.com) (А.Х. Рыскильдин)